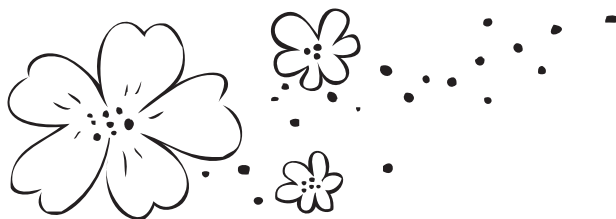

Заметки из кармана

(о людях с чистой душой, о цветах, птицах, дворниках и экологических акциях)

Елана Кудинова,
г. Алматы, Казахстан.

Планета дворников

Раньше всех в городе просыпаются дворники. Очень полезная профессия – дворник. Дворникам надо бы назначить самые высокие зарплаты, возможно, это поможет вернуть почет и уважение к профессии.

Дворники живут по принципу Маленького принца Экзюпери – «Проснулся, приведи в порядок свою планету!» Правда, нашим дворникам не приходится выпалывать маленькие баобабы, как это каждое утро делал Маленький принц. Помните, принц боялся, что если однажды утром он не выдернет с корнем пока еще крошечный баобаба, то баобаба может вырасти и разорвать своими огромными корнями всю планету. Планета-то маленькая.

Нашим дворникам приходится бороться уже с выросшими баобабами.

– Если не убирать, то через два дня люди будут ходить по колено в грязи и делать вид, что не замечают мусора! – говорит пожилой дворник.

Этот дворник поразительно похож на рыбака: длинные резиновые сапоги выше колен, в руках сачок, таким, наверное, можно было бы ловить рыбу. Этим сачком грустный «блуститель порядка» прочесывает один из центральных фонтанов города. Улов получается богатый: бутылки, фантики, окурки. Если по чистоте газовой плиты можно судить о хозяйке дома, то по «улову» городского дворника – о типичном горожанине.

Типичный горожанин – увы! – тот, кто не доносит до урны отходы своей жизнедеятельности. Бросает там, где сидел, около лавочки, на остановке, в фонтан. Типичный горожанин щелкает семечки на остановках, выплевывает окурки в канавы. Одним окурком меньше, одним больше. Все же так делают!

Типичный горожанин в жару пьет кока-колу, а тару от жидкости выкидывает из окна автобуса или собственного авто.

Может, все дело в недостаточном количестве урн в городе?

– Может, да, может, и нет, – «дворник-рыбак» сомневается. – Поставь здесь еще пять урн, возле них быстро вырастет гора мусора. Культуры нет.

Интересный факт. Раньше парк Горького гордо носил звание парка КУЛЬТУРЫ и отдыха. Сейчас слово «культура» куда-то стыдливо исчезло. Отдыхает, наверно.

Утром на зеленых машинах по центральным улицам ездят рабочие в зеленых безрукавках, работа у них такая – убирать за горожанами. Проснулся, приведи в порядок свою планету.

Выходит, это не наша планета? Или мы просто еще не проснулись?

Акция «Чистые реки»

Хорошая новость – акимат взялся за нашу речку! И стар и млад прибежали смотреть, что из этого доброго дела получится. Десятки груженых КАМАЗов вывозили из речки наследие прошлых лет и вываливали его на площадку, где раньше играли дети. Банки-склянки, бутылки, телевизоры, емкости, железные печки, спинки от кроватей, поломанные велосипеды... Такое богатство, поднятое со дна речки всего за несколько дней, не снилось и самому удачливому археологу!

Речка эта в народе недаром зовется Поганкой. За последние пятьдесят лет ее каждодневно поганили. Многие упаковывали мусор в мешки, которыми укрепляли берег для защиты от весенних паводков. По речке совершали каждодневные рейсы быстроходные пластиковые «корабли», имеющие обыкновение устраивать заторы в трубах. Поганить стало неотъемлемой народной привычкой, делом житейским, само собой разумеющимся. Поэтому народ очень интересовался происходящими изменениями. Как же мы будем жить дальше без поганства?

Сосед дядя Степа, мечтающий о приватизации речки, впал в уныние. На берегах у него был настоящий склад: трубы, мешки и прочие драгоценности прозябали здесь последние двадцать лет и никому не были нужны. А тут в один день их сдвинули с места!

В остальном всем понравилась чистка. Улыбающиеся жители с видимым удовольствием бросали пустые бутылки в неузнаваемо чистый канал, освобожденный от зарослей ивняка и карагача.

И лишь птицы плакали. В июле они готовят подросших птенцов к учебным полетам. А тут, вдруг, акция «Чистые реки». Тщетно горлинки уводили от гнезд страшные тракторы. В один момент все гнездовья: соловьиные, скворчиные, голубиные – были уничтожены.

А под камнем у дороги сиротливо сидел маленький пыльный лягушонок.

Невеста для сыночка

С утра за нашей калиткой раздаются протяжные возгласы соседки:

– Денечка, сыночек, ты что калитку открыл... скотина безрогая... Иди домой, я тебе уже кашку сварила, маленький ты мой.

– Рема, домой, тебе говорю, бродяга ты этакий!

Два пса – гроза всей округи – несутся вприпрыжку, словно они не собаки, а мальчишки. Ластятся, улыбаются в собачьи усы. За ними еще стайка мелких пародий на собак. Пять или шесть штук.

Соседка живет в своем придуманном очень светлом мире. Люди ее интересуют постольку-поскольку. Ни перед кем не извиняется, не обсуждает никого, косточки не перемывает.

Но если говорить о косточках, о них она знает все. Где купить куриные, говяжьи, по десять «копеек», да по двадцать с мяском, где фарш, а где голь... И вот парадокс, соседи, покусанные ее собаками, несут обрезки картофеля – разнообразить скудный собачий рацион. Невозможно долго сердиться на человека, который сам сердиться-обижаться не умеет.

– Ты видел, милоч, невесту для моего сыночка? – это она у рабочего справляется. Работяга, только что удиравший от огромного клейменого алабая, переспрашивает:

– Невесту? Какую? Кому?

Ему невдомек, что невеста требуется шестимесячному Рему, Рембо, «сыночку», лапочке. На будущее, когда подрастет.

Убить виртуального кота

Около костра взрослые парни, уже отцы семейств, вспоминали, как они в детстве мучили кошек, били бутылки, взрывали порох, чуть не угнали КАМАЗ. И возник спор: хорошо это или плохо. Мужчины авторитетно заявили, что все мальчишки так генетически устроены, им надо что-то взрывать. Женщины возмутились, неужели все? А наши сыновья, эти милые малыши? Тоже??? Тоже будут привязывать к хвостам котов банки, стрелять из рогаток по птицам? И что, эта детская жестокость – неизбежность?!

– Не переживайте, женщины, – утешали мужчины. – Возможно, наши сыновья будут сидеть у компьютера, играть в стрелялки и убивать всего лишь виртуальных котов.

Но женщины не понимали. Чем же это лучше, если жестокость все равно остается?

Ничего не накапливается

– Чтоб она сдохла! Черт бы ее подрал!

– Что ты, так отзываться о людях!.. Разве так можно?

– Зато выскажусь, и у меня ничего не накапливается!

...Ничего хорошего не накапливается...

Подснежниковый год

Пропустить цветение подснежников – все равно что потерять весну. Есть что-то в этих цветах особенное... Вроде маленькие, скромные создания. А полюбуешься ими весной, и на весь год заряжен положительной энергией!

Идем любоваться на первоцветы нашего края – белые крокусы и синие ирисы Колпаковского. Эти краснокнижные цветочки – эфемероиды, от греческого «эфемерос» (однодневный) и «эйдос» (вид). Живут они недолго, и застигнуть их в цветении – настоящее счастье.

Одной дорогой со мной идет соседка – резиновые сапоги по колено. Она цветы скашивает и в мешок, на базар. Мы беседуем. Я говорю:

– За каждый сорванный подснежник сейчас штраф 584 тенге. Есть такой проект по защите горных растений. За дело взялась Организация Объединенных Наций.

Она сразу утрачивает ко мне доброе расположение:

– А я луковицы не рву. Только цветы срезаю.

Зеленая, жужжащая, благоухающая, наполненная тысячами маленьких жизней, нас встречает гора. Она с подножия до верхушки усыпана веснушками цветов. Этот год подснежниковый. Такое редко бывает.

Здесь наши дороги с соседкой расходятся. Вынимаю свое фоторужье, «перелетаю» от одного цветка к другому. Появляется настоящий охотничий азарт. Кажется, что там, за пригорком, цветов будет больше, и их действительно там больше. Кажется, что я сейчас увижу что-то совсем необыкновенное...

По мере удаления от людских тропинок, за тремя перевалами, цветы становятся все крупнее. И растут уже не по одному, а целыми семействами. Луковички, с которых в прошлом году не сорвали цветок, дали несколько деток.

В этом благословенном затерянном краю я нахожу свой клад. Целый букет

нежнейших ирисов Колпаковского с изумительным запахом! Вот это букет! Такой не получала ни одна женщина на Восьмое марта! Потому что здесь каждый цветок развернут лепестками к солнцу. Потому что в одном из них приотлилась божья коровка, в другом грелся белый паучок, а к третьему летела оранжевая пчела! Нос у меня желтый от сладкой пыльцы. И кто это сказал, что подснежники не пахнут?

Дети гор

На киргизском джайлоо ущелья Каракол, там, где люди такие же чистые, как горный воздух, мы остановились на ночевку у одной семьи. На первый взгляд – обычная чабанская семья, мужчины выпасают скот, женщины охраняют очаг в юрте...

Но что-то было в этих людях необъяснимо прекрасное, что завораживало нас, жителей миллионного города.

Самовар в юрту принесла тетушка Шаршаган, доброжелательная гостеприимная женщина, возраст которой невозможно определить по внешнему виду. Она лучезарно улыбнулась и предложила выпить чаю.

– Сидите, у нас традиция, гостям наливает чай хозяйка.

Неспешно, будто она владела целой вечностью, наливала тетушка Шаршаган в пиалы ароматный чай с густыми сливками. Такого вкуса может быть чай только в юрте, только приготовленный на живом огне, только со свежими сливками от тучных коров.

Потом хозяйка удалилась, сообщив, что с нами в юрте будут спать еще три мальчика, ее сыновья.

Солнце над ущельем встает поздно – в 9 часов, чабаны к тому времени уже успевают и коров подоить, и позавтракать, и коней угнать на верхнее пастбище.

Это нам, городским, по привычке хочется подольше поваляться в кровати. Но здесь не поваляешься, холодно! Не спасают ни теплые стеганные одеяла из овечьей шерсти, ни кошма, ни спальные. Продрогшие насквозь, мы выползаем на свет Божий. На нас с недоумением смотрит годовалый Кулунбек: чего, дескать, мерзнете? Мы с таким же недоумением смотрим на Кулунбека: мальщ, как это ты не мерзнешь?

Чабанским детям мерзнуть некогда. Парнишки уже допиливают пилой-«дружкой» толстую ель для костра: «Это наш киргизский саксаул!» Семиклассница Айзада, внучка тетушки Шаршаган, доит корову.

Это только городские дети на вопрос, откуда берется молоко, могут ответить: делают на заводе, выпускают в тетрапакетах.

Дети чабанов точно знают, откуда берется молоко. Молоко – продукт, получаемый из сочных трав, солнца и прозрачной воды. Перед дойкой к корове сначала подпускают теленка. Теленок жадно чмокает, дергает сосок, молоко брызжет на его мордашку. Затем теленка опять привязывают подальше от коровы, пусть щиплет травку, иначе он не оставит молока для людей. Теленок недоволен. А молоко под ловкими руками льется струями в ведро. Совсем скоро из молока эти же умелые хозяйские руки сделают много других продуктов: сливки, айран (это кефир, больше похожий на простоквашу), курут (курт), пыштак (творог)...

Неторопливо выкатывается из-за высоких елок солнце. Мерно, как часы, урчит сепаратор – это тетушка Шаршаган перерабатывает молоко. Айзада подогревает ледяную воду на печке в казане, у нее есть еще одна обязанность – стирать вещи всей семьи. Ее четырехлетняя сестренка Гульзада носит в казан воду из речки. Ни слова недовольства, без обычных для городских детей капризов! Таков уклад жизни в горах. Все вносят что-то свое в общее дело.

– Гульзада первое лето с нами на джайлоо. В прошлом году всего четыре дня была, – говорит тетушка Шаршаган, с любовью поглядывая на внучку.

Городской ребенок Илья – дитя центров раннего развития – показывает Гульзаде свои игрушки: яркие машинки, совочки, леечки. Для чабанских детей такое количество игрушек кажется явлением необычным. У Гульзады из игрушек – одна лишь кукла Маруська с подпаленными в костре волосиками и самосшитыми одежками.

Но кто знает, что лучше – множество искусственных пластмассок или живые цветы, бабочки, лошади, облака, просторы, реки, горы – необозримое богатство, которым безраздельно владеет маленькая Гульзада?

Илюшка упорно называет Гульзаду «длуг» и «мальчик», и я понимаю, что убеждать ребенка в том, что Гульзада – это девочка, бесполезно. Прическа короткая, штаны, в машинки играет, не хнычет, не плачет, воинственно покрикивает на собак и коров.

Мы все вместе, горные и городские, играем в вечные мальчишеские игры. Мы нагружаем Илюшкин КАМАЗ шишками и делаем для машинок гаражи под корнями ели.

– Сейчас накроем гараж крышей, – говорит двенадцатилетний Урмат. Он несет кору, ловко вбивает камнем опоры для крыши, обтесывает ножичком палки. В каждом движении Урмата видно суровое горное воспитание. В горах каждый маленький мальчик воспитывается прежде всего как хозяин, умеющий и костер разжечь, и корову подоить, и крышу дома покрыть. В год-два отцы сажают их с собой на лошадь, и в пять лет такому мальчику можно доверить целое стадо и подарить ему коня.

Урмат играет с нами, а сам на телят да лошадей поглядывает, не убежали ли через речку? Впрочем, у Урмата есть отличные помощники – чабанские собаки. Только теленок хотел самовольно выбрать себе лужайку, как вроде бы дремлющий возле нас черный пес Акдос без подсказки мигом вернул беглеца на место. На мой восхищенный возглас Урмат отреагировал спокойно:

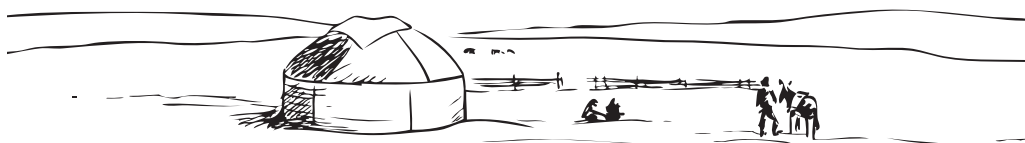
– Мы не учим собак пасти стадо. Этому их учит старшая собака – вожак. А у Акдоса пасти животных и охотиться – в крови. Он породы тайган, киргизская борзая.

К обеду собирается вся киргизская семья: отец семейства, несколько взрослых парней, мальчишки, внучки. Я пытаюсь сосчитать их всех и сбиваюсь со счета.

– Сколько же у вас детей? – так и не сосчитав, спрашиваю у тетушки Шаршаган.

– Девять, – почему-то смущаясь, отвечает улыбчивая женщина. – Семь сыновей и две дочери. И внуков семеро. Самой младшенькой внученьке четыре месяца, она внизу в поселке, в лесхозе. Скоро вот два сына одновременно женятся, еще внуки будут.

...Когда говорят о людях с чистым сознанием, я всегда вспоминаю чудесную семью тетушки Шаршаган, ее девятиерых детей, семерых внуков, у каждого из которых есть свое место под солнцем. Вспоминаю о редком трудолюбии, внимании друг к другу, неспешности и о жизни в гармонии с природой.

Гибискус

Это инопланетянин, внегалактический пришелец в моем саду. Фантастического цвета марсианских впадин. Прожилочки на лепестках словно пульсирующие вены. Пестик увенчан какой-то несусветной загогулиной – танец выдуманных индейцев замзибавэ-пуанкарэ.

Крупный. Если сложить мои ладони, то он больше будет.

Красота неопишемая. Такой может сниться в самых прекрасных снах. Стоять в самых пленительных вазах.

Замечательный! А вот запаха, как, допустим, у скромного флокса метельчатого, нет.

День подсолнуха

Помню, в конце прошлого учебного года мы спрашивали у школьников: «Какие у вас планы на лето?» Кто-то собирался поехать отдыхать в лагерь, кто-то поваляться на диване, кто-то наиграться в компьютерные игры. Обычные детские желания.

И лишь одна девочка ответила мне тогда необычно, не так, как все.

Она сказала: «Я хочу летом вырастить подсолнух!»

Странное желание для девочки, живущей в самом центре большого пыльного города. Но желание было настолько сильным, что девочка нашла десять нежареных семечек (вы, знаете, оказывается, это очень трудно – найти нежареные и несоленые!). Она бережно положила их в коробочку во влажную вату.

Потом каждое утро бегала посмотреть – не проклюнулись ли росточки?

Это такое необъяснимое чудо, что в каждом семечке скрыта неповторимая информация. В семечке дыни спрятана сладость, в семечке перца – горечь, в семечке яблока только внимательный увидит тонну яблок, а в желуде – огромный дуб!

Подсолнушки проросли. Очень быстро, по-моему, уже на третий день. Десять маленьких живых змеек.

Через неделю мы вместе с юной мечтательницей высаживали подсолнухи

за городом в зеленом саду рядом с розами. Не успели мы опустить их в рыхлую землю, как начался дождь, мечтающий полить наши посадки.

Подсолнухи росли не по дням, а по часам, борясь за жизнь с гусеницами, собаками и засухами. Через месяц из десяти их осталось всего четыре. Но это были настоящие бойцы с толстыми стеблями и сильными листьями! Они, как и хотели, доросли до неба, переросли девочку в два раза! Они каждый день поворачивали цветущие головы вслед за солнцем.

А сегодня семечки спели!

Перелетные птицы

Недавно с восхищением смотрела, как летит над рекой Или журавлиный клин. Крыло в крыло, в едином воздушном потоке, протяжно курлыча, возвращались странники домой с зимовки. По той же неизменной воздушной дороге, по которой тысячелетиями летали журавли. Летели они, снова возвещая о силе весны, о любви к земле, о красоте полей, о бездонности неба. Они не останавливались даже ночью, звезды бережно направляли их на верный путь. Время от времени сменяя вожака, стая продолжала полет.

А кругом цвела земля. Маки, тюльпаны, кукушкины слезки, ирисы и примулы провожали взглядами гордых птиц. И казалось, что каждый цветок, всеми силами тянущийся к солнцу, мечтает полететь вместе с птицами.

– Смотрите, лебеди! – вдруг раздается чей-то голос.

И вправду, за журавлями летят два лебедя. Такое зрелище для нас, горожан, явление вообще невиданное. Мы с замиранием сердца провожаем взглядами величавых птиц. Эх, и почему только у людей нет крыльев?

– Лебедь особая птица, – говорит один из наших спутников. – У нас, у казахов, есть такое поверье: если подстрелишь лебедя, то в твоей жизни все пойдет наперекосяк.

Молчим, каждый думает о своем...

Тишину нарушает заводная песня ласточки-береговушки. Ни с чем не спутаешь ее песенку: целую тираду произносит на одном дыхании. Прилетели

ласточки, голубушки! Как мало их осталось в городе! А ведь бывало, в каждом подъезде навьют, налепят гнездышек своих и ждут терпеливо, пока кто-нибудь дверь откроет, чтобы к себе домой попасть.

От нас, людей, во многом зависит будущее птиц.

